

УДК 930.24.94(47).027

“НАХОЖДЕНИЕ АНТИОХОВО”: К НЕГАТИВНОМУ ОБРАЗУ ВСЕСЛАВА ПОЛОЦКОГО В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Ю. Н. Кежа

кандидат исторических наук

Полоцкий государственный университет

На основе анализа древнерусских летописных памятников – Новгородских летописей и “Повести временных лет” – исследуется представление о полоцком князе Всеславе Брячиславиче (около 1029–1101 гг.). Делается вывод о противоречивом отражении образа полоцкого князя в древнерусском летописании. В “Повести временных лет”, за исключением сообщения о рождении князя, характеристика Всеслава носит положительный или нейтральный характер. Негативные коннотации, связанные с Всеславом, присутствуют в Новгородских летописях и носят отчетливый библейский характер.

Ключевые слова: Всеслав Брячиславич, Новгородские летописи, “Повесть временных лет”, “Хроника Георгия Амартола”, Библейская традиция.

Введение

Полоцкий князь Всеслав Брячиславич (около 1029–1101 гг.) – один из самых известных правителей Полоцкой земли. При всем “дефиците” сообщений о Полоцком княжестве в древнерусских летописях о Всеславе сохранилось больше информации, чем обо всех предыдущих и последующих полоцких князьях долитовского периода (X–XII вв.).

Внимание киевского и новгородского летописцев к Всеславу было вызвано его активной военной политикой (участием в походе на торков 1060 г., нападениями на Псков 1065 г. и Новгород 1066/1067 гг.), а также взаимоотношениями с князьями Ярославичами и непродолжительным киевским княжением 1068–1069 гг.

Основная часть

Анализируя летописные сообщения о Всеславе Брячиславиче и Полоцком княжестве второй половины XI в., стоит отметить, что образ Всеслава нашел противоречивое отражение в древнерусском летописании.

В “Повести временных лет” (далее – ПВЛ), за исключением упоминания о рождении Всеслава “от волхования”, образ полоцкого князя не содержит негативных коннотаций и в целом характеризуется положительно или нейтрально.

Так, например, при упоминании о вокняжении Всеслава в Полоцке (1044 г.) летописец подчеркивает его связь с Рюриковичами через общего предка Владимира Святославича: “в се же . лѣтѣ . оумре Брячиславъ . снѣ Изаславъ внукъ Володимерь . ѿѣъ Всеславъ . и Всеславъ снѣ его съде на столъ его” [1, стб. 155].

Под 6568 (1060 г.) в ПВЛ описывается совместный поход Всеслава и трех братьев Ярославичей на торков: “в семь же . лѣтѣ . Изаславъ . и Стѣславъ . и Всеволодъ . и Всеславъ . совокупи[ша] вои бецислены . [и] поидоша на конихъ и в лодьаехъ . бецислено множество . на Торкы . се слышавше Торци оубоашася пробѣгоша и до сего днѣ . и помроша бѣгаючи . Бжѣимъ гнѣвомъ гоними . вви ѿ зимы . друзии же гладомъ . ини же моромъ и судомъ Бжѣимъ . тако Бѣ избави хсѣаны ѿ поганыхъ” [1, стб. 163]. Всеслав Брячиславич относится к христианским правителям и вместе с Ярославичами противопоставляется язычникам-торкам (“тако Бѣ избави хсѣаны ѿ поганыхъ”) [2, с. 54].

Как добропорядочный христианин Всеслав показан в сообщении ПВЛ под 6575 (1067 г.), когда после поражения на Немиге он пошел на договор с Ярославичами, оформленный в виде крестоцелования: “*мѣца . июула . въ . г̃ . днѣ . Изаславъ . Стѣславъ . [и] Всеволодъ . цѣловаше крѣтъ чѣстнѣи . къ Всеславу рекше ѣму . прѣди к намъ аеко не створимъ ти зла . ѡн же надѣавьса цѣлованѣи крѣта . и пригъхавъ в лодѣи чересь Днѣпръ .*” [1, стб. 166].

Как христианин, воздающий славу Честному Кресту после освобождения из заточения, полоцкий князь показан под следующим 6575 (1068 г.): “*в днѣ бо Въздвиженъе Всеславъ въздохнувъ речѣ . и крѣте чѣстнѣи понеже к тобѣ въровахѣ . избави ма ѡ рва сего*” [1, стб. 172]. При этом князья Ярославичи (в первую очередь Изяслав Ярославич) осуждаются летописцем как предавшие клятву крестоцелования, в результате чего их постигло наказание в виде нашествия на Киев половцев: “*се же Бѣѡви силу крѣтнѣи . понеже Изаславъ цѣловавъ крѣтъ . и се и . тѣмже наведе Бѣѡганѣе . сего же авѣъ (Всеслава Брючиславича. – Ю.К.) избави крѣтъ чѣстнѣи.*” [1, стб. 172].

Единственная негативная характеристика Всеслава в ПВЛ связана с описанием его рождения под 6552 (1044 г.): “*ѣгоже роди мѣи ѡ вѣлхованъе . мѣри бо родивши ѣго . бысѣ ѣму авзено на главѣ ѣго . рекоша бо волсви мѣри ѣго . се авзено навлажи на нь . да носить ѣ до живота своѣго . еже носить Всеславъ и до сего днѣ на собѣ . сего ради немлѣтъ естъ на кровъпролитъе .*” [1, стб. 155]. А.А. Шахматов относил данное сообщение к новгородскому летописанию. Помимо этого, все события XI в., связанные с Полоцком, исследователь идентифицировал как “новгородские” [3, с. 17, 33]. Украинская исследовательница М.А. Филлипович разделяет “новгородские” сообщения о Всеславе, содержащие в целом негативную характеристику и включенные в ПВЛ под 6571 (1063 г.), 6572 (1064 г.), 6575 (1067 г.), и сообщения киевского летописца, написанные монахом Киево-Печерского монастыря, лояльного Святополку Изяславичу. Под пером киево-печерского летописца информация о Всеславе носит в целом или положительный, или нейтральный оттенок: 6568 (1060 г.), 6575 (1067 г.), 6576 (1068 г.), 6577 (1069 г.), 6579 (1071 г.). Сообщение о рождении Всеслава под 6552 (1044 г.) исследовательница относит к вставке монаха Выдубицкого монастыря, лояльного Владимиру Мономаху [4, с. 37]. Также к работе летописца Выдубицкого монастыря М.А. Филлипович относит сообщение ПВЛ 6600 (1092 г.) об эпидемии в Полоцкой земле¹, где Всеслав Брючиславич не упоминается [4, с. 35]. По мнению Т.Л. Вилкул, летописная статья 6600 (1092 г.) имеет смысловую связь со статьей 6573 (1065 г.). Связь заключается в тематике заимствований из “Хроники Георгия Амартола”, где основной темой является тема чудес [5, с. 88].

Не ставя основной задачей выявление отдельных “новгородских” и “киевских” сообщений в ПВЛ, стоит признать, что в новгородском летописании негативные характеристики Всеслава встречаются чаще. Это, вероятно, было вызвано военным походом полоцкого князя на Новгород, разорением города и главного новгородского храма – собора св. Софии [6, с. 76–78]. Попробуем разобрать сообщения, связанные с новгородским походом Всеслава Брючиславича, и выявить параллели с библейской историей при описании событий 1063–1068 гг.

С помощью фрагментов Священного Писания древнерусские летописцы определяли смысл событий, трактуя его в отзвуках сакральных сюжетов [7, с. 96]. Согласно выво-

¹ *Предивно бысѣ [чюдо] Полотъскѣ въ мечтѣ ны бѣваше в ноци тутѣнъ станаше по улици . аеко члѣци ршцѣице бѣси . аще кто вѣлгъзаше ис хороминѣи . хотя видѣти . абы оуавзень будаше невидимо ѡбъсовѣ . авзою и с того умираху . и не смаху излазити ис хоромѣ . посемь же начаша в днѣ авлатиса на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конь ихъ видѣти копыта . и тако уавзлаху люди Плотъскѣи и ѣго область . тѣмъ и члѣци глѣху . аеко наавѣвъ бѣють Полочанѣи . се же знаменъе поча бѣити отъ Дрѣютъска .* [1, стб. 214–215].

дам А.Я. Гуревича, история для летописца – это проявление библейских ситуаций и образов, которые продолжают существовать и повторяются в его современности [8, с. 73].

В Новгородском летописании хронологически первое сообщение о Всеславе содержится в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НЛМл) и относится к 6571 (1063 г.). В нем описывается необычное природное явление в Новгороде – противоположное течение Волхова, что, согласно представлением летописца, является недобрый предзнаменованием: *“В се же лето в Новгородъ иде Волховъ въспятъ; се же знамение не на добро бысть: на четвертое лето пожьж Всеславъ град.”* [9, с. 184–185]. В подобном ключе выдержано следующее сообщение под 6573 (1065 г.), где апокалиптические знамения также связываются с последующими военными действиями Всеслава: *“В се же лето поча рать копити Всеславъ. В се же время бысть знамение на западъ: звезда привелика, луцъ имуци акы кровавы, въходящи с вечера по заходъ солнцьномъ; пребысть же дни 7. Се же проявляше не на добро: по семь бо быша усобица многы и нашествие поганых на Рускую землю”* [9, с. 184]. Показательно, что в ПВЛ при практически аналогичном описании астрономических явлений и природных аномалий упоминаний о Всеславе нет [1, стб. 164–165]. Только в НЛМл статья начинается с фразы: *“В се же лето поча рать копити Всеславъ.”*

Описание небесных знаков и аномальных явлений в преддверии военных походов полоцкого князя некоторыми исследователями связывается с представлениями о сверхъестественных способностях Всеслава [10, с. 327] или с отражением мифологической устной традиции, которая затем была осмыслена в качестве знамений, предвещающих Всеславовы походы [11, с. 520]. Однако анализ сообщения 6573 (1065 г.) из НЛМл, а также сообщения 6574 (1066 г.) из Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НЛСт) и сообщения 6575 (1067 г.) и 6688 (1180 г.) Новгородской четвертой летописи (далее – НЛЧ) позволяет говорить об эсхатологическом осмыслении действий Всеслава Брячиславича, связанном с библейской традицией.

Сообщение НЛМл 6573 (1065 г.) содержит одно из самых больших описаний астрономических явлений и “аномалий”. Помимо упоминания о сиянии звезды с “кровавыми лучами”, говорится о выловленном из р. Сетомль ребенке со “срамными удами” на лице и солнечном затмении. Данные явления связываются с событиями древности: Антиохом нашествии на Иерусалим, нашествии на Иерусалим Нерона, бедствиями, постигшими Византию при императоре Юстиниане, рождении детей-уродцев при императоре Маврикии, “падении звезд на землю” при императоре-иконоборце Константине, землетрясении в Сирии, нашествии саранчи на Палестину [1, стб. 164–165; 9, с. 184–185].

Далее, в сообщении 6573 (1065 г.) упоминаются события, которые предшествовали нападению сирийского царя Антиоха IV Эпифана на Иерусалим: *“мы бо по всему разумьемъ, якоже древле при Антиосъ въ Иерусалимъ ключися внезапно по всему граду за 40 дни являтися имъ на въздусть на конех рыщюцимъ въ оружьи, одежи златы имуцимъ, полкы обавляемыи оружиемъ дъвижюцимся: се бо проявляше нахождение Антиохово, нашествие рати на Иерусалимъ.”* [9, с. 184]. Сообщение имеет прямые заимствования из “Хроники Георгия Амартола”. В свою очередь, создатель “Хроники” описал данные события по аналогии с ветхозаветным текстом Второй книги Маккавейской (см. таблицу п. 1.).

Явные заимствования из “Хроники Георгия Амартола” наблюдаются в следующих сообщениях НЛСт за 6574 (1066 г.) и НЛЧ за 6575 (1067 г.), где говорится о нападении Всеслава на Новгород, разграблении города и храма св. Софии: *“Приде Всъславъ и възъ Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бѣда въ час тыи; и понекадила съима”* [9, с. 17].

О нападении Всеслава на Новгород и разорении Софийского собора новгородский летописец вспоминает в 6688 (1180 г.): “Мьстиславъ съ Новгородци поиде на Полтескъ на зятя своего Всеслава, ходилъ бо бяше дедъ его на Новгородъ, и взялъ іерусалимъ церковный и съсуды служебныя, и погость единъ завель за Полтескъ” [12, с. 16]. В сообщении упоминается о захвате церковных ценностей из Софийского храма, что вместе с предыдущими сообщениями НЛст и НІВЛ составляет единую тематическую линию, заимствованную из “Хроники Георгия Амартола”. “Хроника” сообщает о походе Антиоха на Иерусалим и разграблении Иерусалимского храма. В качестве первоисточника автор “Хроники” использует ветхозаветную Первую книгу Маккавейскую (см. таблицу п. 2).

Новгородские летописи	Хроника Георгия Амартола	Ветхий завет: Первая книга Маккавейская	Ветхий завет: Вторая книга Маккавейская
1) 6573 (1065): “В се же лето поча рать копити Всеславъ..... мы бо по всему разумѣмъ, якоже древле при Антиосѣ въ Иерусалимѣ ключися внезапно по всему граду за 40 днии являтися имъ на въздуѣ на конехъ рыщющимъ въ оружьи, одежи златы имущимъ, полки обавляемыи оружиемъ дъвижющимся: се бо про являше нахождение Антиохово, нашествие рати на Иерусалимъ.” [9, с. 184].	“въскорѣ за 40 днии являтися на въздоуѣ на конихъ рыщюще въ оружьи, златыя одежа имоуща, и полци обоямо бывающа и оружью дъвижения и златыя красоты блистанія, всякымъ видомъ облечены въ бръня.” [14, с. 200].	—	Случилось, что над всем городом почти в продолжение сорока дней являлись всадники в золотых одеждах и наподобие воинов вооруженные копьями, и стройные отряды конницы, и нападения и отступления с обеих сторон, обращение щитов, бросание стрел и блеск золотых доспехов и всякого рода вооружения (Макк. 2. 5. 2–3).
2) 6574 (1066): “Приде Всѣславъ и взяъ Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съимау святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ час тыи; и понекадила съима.” [9, с. 17]; 6575 (1067): “Тои же Всеславъ и Брячиславъ с Полотчаны пожже Новгородъ до Неревского конца, и святую Софию пограби” [12, с. 583]; 6688 (1180): “Мьстиславъ съ Новгородци поиде на Полтескъ на зятя своего Всеслава, ходилъ бо бяше дедъ его на Новгородъ, и взялъ іерусалимъ церковный и съсуды служебныя, и погость единъ завель за Полтескъ” [13, с. 16].	“Тѣмъ оубо мучитель (Антиох. – Ю.К.) осрамивъся, паче же разгнѣвавъ, святыя съсуды взятъ злата же и сребра бещисла, и весь градъ поплѣнивъ, и скоты въ мяса створивъ, и много оубинство створивъ, и велерѣчьствовавъ отиде въ Антиохию, велии плачь оставивъ сыномъ Изравломъ.” [14, с. 202].	И вступил (Антиох. – Ю.К.) в Иерусалим с сильным ополчением; вошел во святилище с надменностью и взял золотой жертвенник, светильник и все сосуды его, и трапезу предложения, возлияльники, и чаши, и кадильницы золотые, и завесу, и венцы, и золотое украшение, бывшее снаружи храма, и все обобрал. Взял и серебро, и золото, и драгоценные сосуды, и взял скрытые сокровища, какие отыскал. И взял все, отправился в землю свою и совершил убийства, и говорил с великой надменностью. Посему был великий плач в Израиле, во всех местах его (Макк. 1. 20 – 25).	—

В представлениях древнерусского книжника XI–XII вв. город являлся сакральным пространством, которое во многом было осмыслено через библейскую традицию, где город воспринимался как воплощение Иерусалима – главного центра христианского мира [15, с. 33].

В древнерусском летописании удалось выделить две формы существования древнерусского образа города, связанного с Иерусалимом. В большинстве случаев Иерусалим отождествлялся с Киевом [16, с. 145]. Помимо Киева, образ Иерусалима мог применяться к другим городам Руси [17, с. 18].

Образ Иерусалима относительно Новгорода использовался в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 6771 (1263 г.) при описании Невской битвы новгородского князя Александра Ярославича со шведами: “*быс же в то время чудо дивно секоже во древняе дни при Езекии цсри . еда приде Сенахиримъ Асуриискыйи цсрь на Иерсѣмъ хота п[л]гнати градъ стѣи Срсѣмъ . внезапно изиде анѣль Гснь . изби и ѿ полка Асурииска . рѣ . и . пѣ . и . еѣ . тысящъ . и вставише оутро вбрѣтошася трупае мртѣвы вса . такоже быс при побѣдѣ Александровѣ.*” [1, стб. 480]. Новгород отождествляется с Иерусалимом в библейском контексте похода ассирийского царя Синаххериба. Показательно, что, как и в случае описания похода на Новгород Всеслава 1066/1067 гг., образ Новгорода-Иерусалима находит смысловое отражение при описании внешней агрессии. При этом к агрессорам применяются библейские образы языческих правителей: Всеслав=Антиох, шведские войска=армия Синаххериба.

Несмотря на отождествление действий Всеслава с действиями языческого правителя, напрямую полоцкий князь с нехристианским (языческим) миром не связывается. К нему не применяются такие эпитеты, как “поганный”, “безбожный”, “беззаконный”, “окаянный”, “нечестивый”, “богоотступный”, которые носят этноконфессиональный характер и служат отчетливым маркером идентификации и противопоставления по принципу “свой” (христианин) – “чужой” (язычник) [2, с. 54–58, 68–71].

Скептическому анализу также следует подвергнуть заключение, что Полоцкая земля периода правления Всеслава Брячиславича в представлении древнерусских книжников рассматривалась как “чужая” и “враждебная” [4, с. 142; 18, с. 13–17]. Данный вывод во многом основывается на сообщении ПВЛ 6600 (1092 г.): “*Предивно быс [чудо] Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци тутънъ станаше по улици . секо члѣци рициюще бѣси . аще кто вѣлѣзаше ис хоромины . хота видѣти . абѣе оуезвѣнь будаше невидимо ѿбѣсовѣ . азвою и с того умираху . и не смаху излазити ис хоромъ . посемь же начаши в днѣ севлатиса на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конь ихъ видѣти копыта . и тако уезвлаху люди Полотьскыае и ѣго вблать . тѣмъ и члѣци глѣху . секо наевѣ бѣють Полочаны . се же знаменье поча бѣити отъ Дрѣютъска . в си же времена быс знаменье въ нѣси секо кругъ быс . посреде нѣба превеликъ . в се лѣто ведро баше секо изга[ра]ше земля . и мнози борове възгарахуса сами . и болота . [и] многа знаменьа бѣваху по мѣстомъ . и рать велика баше ѿ Половецъ и ѿвсюду . взаша . зѣ . градъ Пѣсочень . Переволоку . [Прилукъ] и многа села воеваша . по обѣма страномъ . в се же лѣто воеваша Половци . Лахы . с Василькомъ Ростиславичемъ . в се же лѣто . оумре Рюрикъ сѣъ Ростиславль . в си же времена мнози члѣци оумираху различнымъ недугомъ . секоже глѣху продающе корсты . секо продахомъ корсты . ѿ Филипова днѣ до масопуста . зѣ . тысящъ . Се же быс за грѣхы наша . секо умножишася грѣси наши [и] неправды . се же наведе на ны Бѣ . вѣла нам имѣти покасенье . и вѣстакнутиса ѿ грѣха . и ѿ зависти . и ѿ прочихъ злѣхъ дѣль неприазнинь*” [1, стб. 214–215].

Согласно данному сообщению Бог наказывает “за грехи” не только жителей Полоцкой земли. Упоминаются апокалиптические знамения, сопровождающиеся набегами половцев и разорением русских городов, нашествием поляков, многочисленными

болезнями и смертями. Летописец указывает, что Бог навел эти несчастья “за грехи наша”, призывая к покаянию и воздержанию от греховных деяний. Определенные эсхатологические ожидания могли связываться с датой, под которой размещено сообщение – 6600 г. [19, с. 265; 20, с. 247–257]. Эпидемия на Полоцкой земле упоминается в общем контексте несчастий, постигших Русь, и из этого контекста не выпадает.

Стоит отметить, что сообщение о событиях 6600 г. содержится также в НЛст и НЛмл¹. Новгородские летописи указывают на эпидемии только в Полоцкой земле. Про беды в Южной Руси в отличие от ПВЛ не упоминается, что может косвенно свидетельствовать о позиционировании Полоцкой земли как “чужой” и “враждебной” именно новгородским летописцем. Вполне вероятно, что войны Полоцка и Новгорода X–XII вв. за политическое и экономическое доминирование на севере Руси сформировали в новгородской интеллектуальной среде устойчивую оппозицию “новгородцы – полочане” (“свои – чужие”) на уровне отдельных идентичностей.

Заключение

Таким образом, не существовало четкого противопоставления южнорусских князей Ярославичей и Всеслава Брячиславича по принципу “мы (свои) – он (чужой)”. Полоцкий князь в зависимости от совершаемых им действий мог относиться к “своим”, христианским правителям, входящим в династию Рюриковичей, или к нему применялись негативные коннотации, указывающие на его “аномалии” или отклонения от принятых норм. Главным показателем отношения летописцев к Всеславу являлась его военная активность. Когда Всеслав выступает союзником Рюриковичей, его образ не содержит отрицательных характеристик, а сам князь не противопоставляется южнорусским князьям. Показательно использование положительного образа Всеслава (“честного христианина”) в противопоставлении Ярославичам, нарушившим клятву.

В периоды военной активности Всеслава отношение к полоцкому князю противоположное. Нападению Всеслава на Новгород предшествуют страшные знамения, которые через посредничество византийской Хроники Георгия Амартола соотносят образ Всеслава с ветхозаветным “безбожным” правителем Антиохом IV Эпифаном, а нападение Всеслава на Новгород в 1066/1067 гг. отождествляется с нашествием Антиоха на Иерусалим и разорением Иерусалимского храма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полное собрание русских летописей. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1926–1928. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – 379 с.
2. *Лаушкин, А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. / А. В. Лаушкин. – М. : Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науки, 2019 – 304 с.
3. *Шахматов, А. А.* Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М. : Академический проект, Жуковский : Кучково поле, 2001. – 880 с.
4. *Філіпович, М. А.* Полоцка земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть / М. А. Філіпович. – Київ, 2014. – 204 с.
5. *Вилкул Т. Л.* Повесть временных лет и Хронограф / Т. Л. Вилкул // *Paleoslavika*. – Т. XV/2. – 2007. – С. 56–116.
6. *Кежа, Ю. Н.* Когда Волхов течет вспять. Поход князя Всеслава на Новгород 1066 г. / Ю. Н. Кежа // *Родина*. – 2013. – № 5. – С. 76–78.
7. *Данилевский, И. Н.* Библизмы в “Повести временных лет” / И. Н. Данилевский // *Герменевтика древнерусской литературы*. – М., 1992. – С. 75–103.

¹ НЛст: “Найде рана на Полочяны, яко нѣкако бяше ходит уличямъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто из ытѣбы вылезетъ, напрасно убьенъ бываше невидимо.” [9, с. 18].

8. *Гуревич, А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 560 с.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 576 с. : ил.
10. *Скварчэўскі, Д. В.* Нябесныя знакі падчас кіравання полацкага князя Усяслава Брачыславіча / Д. В. Скварчэўскі // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010 г. – Мінск, 2011. – С. 323–329.
11. *Прохараў, А.* Усяслаў Брачыславіч / А. Прохараў // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 487–489.
12. Полное собрание русских летописей. Вып. 3. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1929. – Т. 4. – Ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. – 688 с.
13. Полное собрание русских летописей. Томь четвертый. IV. V. Новгородскія і псковскія летописи. – Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1848. – 365 с.
14. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Томь I : Текст. Российская государственная академическая типография. – Петроград, 1920. – 616 с.
15. *Аверинцев, С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство и художественная культура до-монгольской Руси. – М. : Наука, 1972. – С. 25–49.
16. *Данилевский, И. Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом / И. Н. Данилевский // Одиссей. Человек в истории. 1998. – М. : Наука, 1999. – С. 134–150.
17. *Долгов, В. В.* Древнерусский город XI–XIII вв. как сакральное пространство / В. В. Долгов / Вестник ЧелГУ. Серия 1. История. – 2005. – № 2. – С. 17–24.
18. *Еремеев, И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья) / И. И. Еремеев. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 696 с.
19. *Данилевский, И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
20. *Семянчук, Г.* Полацкая зямля ў “Повести временных лет” / *Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Галенчанкі* / уклад.: Алег Дзярновіч, Альбіна Семянчук. – Вільня–Мінск : AIDAI – ATHENAUM, 2009. – С. 247–257.

Поступила в редакцию 09.03.2020 г.

Контакты: kezha04@mail.ru (Кежа Юрий Николаевич)

Kezha Y. “INVASION OF ANTIOCHUS”: ON THE NEGATIVE IMAGE OF VSESLAV POLOTSKY IN THE ANCIENT RUSSIAN CHRONICLES.

Based on the analysis of the ancient Russian chronicles – Novgorod chronicles and “The Tale of Bygone Years”, the opinion of chroniclers about the Polotsk prince Vseslav Bryachislavich (about 1029–1101) is investigated. The conclusion is made about the contradictory reflection of the image of Prince Polotsky in the Old Russian chronicles. In “The Tale of Bygone Years”, with the exception of the announcement of the birth of the prince, the characterization of Vseslav is positive or neutral. The negative connotations associated with Vseslav are present in the Novgorod annals and bear distinct biblical parallels.

Keywords: Vseslav Bryachislavich, Novgorod annals, “The Tale of Bygone Years”, “Chronicle of George Hamartolos”, biblical tradition.